

Дешево отдѣлался.

(Изъ воспоминаній).

Случай, о которомъ я хочу рассказать, былъ давно, когда я былъ еще совершенно молодымъ человѣкомъ, а слѣдовательно и молодымъ горячимъ охотникомъ. Было это въ одинъ изъ сентябрьскихъ праздничныхъ дней 185* года. Рано утромъ отправился я изъ Саратова на охоту за зайцами къ „Жареному бугру“, горѣ отстоящей отъ города къ сѣверу верстъ на 9 или на 10. День былъ прекрасный, снѣгу еще не было, и я не замѣтилъ, какъ дошелъ до мѣста. Убивъ одного зайца и приторачивая его, я замѣтилъ около глубокаго оврага, лежащаго у подошвы бугра, двухъ играющихъ собакъ. Предполагая, что недалеко отъ этихъ собакъ долженъ быть и охотникъ, я ускорилъ шаги. Но каково же было мое удивленіе, когда, приблизясь, вмѣсто предполагаемыхъ собакъ, различилъ двухъ лисицъ очень почтенныхъ размѣровъ. Завидя меня, онѣ тотчасъ-же ныгнули въ оврагъ. Выбравъ себя за несообразительность и оплошность, я бросился-было за ними въ оврагъ, но нашелъ его настолько крутымъ, что спуститься въ него не могъ. Пришлось посидѣть на краю этой пропасти, посмотрѣть въ нее, измѣрить глазами глубину, полюбоваться на густой кустарникъ, которымъ обросли русло и склоны, да идти впрочь, утѣшая себя мыслью, что въ такой трущобѣ, съ такими хитрыми, какъ лисы, звѣрами, я сдѣлать ничего не могъ-бы, если-бы даже и спустился въ оврагъ. Отдохнувъ, я снова отправился розыскивать зайцевъ, но не успѣлъ отойти и двухъ верстъ, какъ вдругъ услышалъ сзади себя шумъ и лошадиный то-

что. Я оглянулся и увидалъ пару борзыхъ и всадника на сѣромъ конѣ, мчащихся во весь духъ за русакомъ, который выскочилъ изъ лощины и покосилъ, направившись мимо меня. Собаки сильно спѣли къ нему, — и въ тотъ моментъ, когда несчастный заяцъ поровнялся со мною, онѣ были отъ него шагахъ въ 15-ти. Совершенно не разсуждая, что я дѣлаю, но побуждаемый охотничьей запальчивостью, я вскинулъ ружье, выдержалъ и спустил курокъ. Колесомъ покатился заяцъ, а на него ту-же секунду насѣли и борзые. Едва успѣлъ я отнять ружье отъ плеча и опустить курокъ, какъ налетѣлъ на меня, съ отборной руганью, всадникъ и, не разбирая кто я, замахнулся громаднымъ арапникомъ. Видя, что мнѣ готовится оскорбленіе, я такъ-же, какъ и онъ, моментально вскинулъ ружье къ плечу и прицѣлился ему въ лицо. Увидавъ мою рѣшимость выстрѣломъ заплатить за ударъ, онъ удержалъ руку и арапникъ его повисъ, какъ флагъ на мачтѣ въ безвѣтреную погоду.

— Иди къ барину! закричалъ онъ въ большой ярости.

— А кто таковъ твой баринъ?

— Придешь, — узнаешь, отвѣчалъ онъ мнѣ на мой вопросъ и, соскочивъ съ собакъ, отправился въ сторону, гдѣ я замѣтилъ, съ небольшимъ въ верстѣ отъ себя, цѣлую кавалькаду охотниковъ со сворами борзыхъ собакъ. Идти, или не идти? задалъ я себѣ вопросъ. Не колеблясь однако долго, я пошелъ, разсудивъ, что объясниться съ бариномъ лучше, чѣмъ съ его холопомъ. Поразмысливъ, я отлично сознавалъ, что сдѣлалъ очень скверно, застрѣливъ зайца изъ-подъ собакъ, вырвавъ, такъ сказать, изъ рукъ добычу у охотника. Кромѣ того, зная, какъ безцеремонно обращались тогда большіе бары съ нашимъ братомъ, малымъ человѣкомъ, я могъ ожидать для себя крупной непріятности. Съ такими мыслями предсталъ я предъ грозныя очи самого барина.

— Вотъ этотъ господинъ, докладывалъ, указывая на меня, приведшій меня всадникъ, — изъ-подъ своры моихъ собакъ убилъ изъ ружья зайца.

— Какъ это, батюшка, можно! обратился ко мнѣ милостиво баринъ, — ну, сохрани Богъ, если-бы вы зацѣпили какъ-нибудь собакъ? — вѣдь я съ вами дешево не раздѣлался-бы, вѣдь собаки у меня дороги.

— Виновать, Аѳанасій Алексѣевичъ! заговорилъ я, обрадовавшись, что мнѣ пришлось имѣть дѣло съ извѣстнымъ въ нашемъ окологдѣ охотникомъ и добракомъ — Столыпнымъ. — Ужъ больно ловко косою бѣжалъ мимо меня и сердце не выдержало,

сами руки безъ моей воли вскинули ружье и выстрѣлили. Къ тому-же и опасности для собакъ не было: онѣ были отъ зайца шагахъ въ 15-ти.

— А вы какъ меня, батюшка, знаете?

— А кто-же васъ не знаетъ, особенно изъ нашего брата охотниковъ,—слухомъ объ васъ наша земля полнится. Тутъ у меня блеснула счастливая мысль задобрить старика и заплатить ему за зайца.

— Да что-же это вы, Аеанасій Алексѣвичъ, травите зайцевъ, а не лисъ? заговорилъ я.

— Не попались, пока, батюшка, но, вотъ, когда доберусь до своей Алексѣвки, то вѣроятно возьмемъ и лисъ.

— А я вотъ сейчасъ видѣлъ пару.

— Гдѣ, батюшка? встрепенулъ Столыпинъ. И нужно было видѣть, какъ, въ этотъ моментъ, преобразилось лицо этого добраго старика-охотника.

— Да недалѣе, какъ въ двухъ верстахъ отъ этого мѣста.

— И это вѣрно?

— Къ чему стану я васъ обманывать, Аеанасій Алексѣвичъ? Поѣдьте, я вамъ покажу тотъ оврагъ, въ который онѣ скрылись отъ меня съ часъ назадъ тому. Я думаю, что онѣ и теперь тамъ будутъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, батюшка.

Сію-же минуту сдѣлано было Столыпиннымъ распоряженіе готовиться къ отъѣзду.

Три наѣздника, съ тремя парами громаднхъ лохматыхъ борзыхъ собакъ, а четвертый со стайей гончихъ, были уже готовы, когда владѣлецъ этой охоты обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А вы, батюшка, править лошадыю умѣете?

— Хитрости немного,—могу.

— Такъ не откажитесь, пожалуйста, сѣсть на бѣговныя дрожки, взять возжи и везти меня къ тому мѣсту, гдѣ видѣли кумушекъ.

Скоро мы добрались до оврага, куда сбѣжали лисицы, и размѣстились въ слѣдующемъ порядкѣ. Двумя охотниками заняты были двѣ отрожины, третій сталъ посрединѣ оврага, а на другой сторонѣ, противу этого послѣдняго, стали мы; затѣмъ Столыпинъ далъ знакъ кинуть гончихъ. Прошло минутъ пять томительнаго ожиданія и, я, время отъ времени заглядывая въ профиль лица старика, видѣлъ, что онъ былъ въ сильно-напряженномъ состояніи.

Вдругъ одна гончая какъ-то отрывисто тавкнула и затѣмъ сейчасъ-же лай повторился, но какъ будто съ подвоемъ, потомъ отозвалась другая, третья, да такъ заварили, выражаясь словами псовыхъ охотниковъ, что у меня по спинѣ забѣгали мурашки. Такого концерта я ни прежде, ни послѣ не слыхалъ, по той простой причинѣ, что не имѣлъ случая и возможности участвовать на этой *несравненной* охотѣ.

Гонъ продолжался, надо полагать, съ четверть часа, потому что не разъ слышались голоса собакъ близко къ отрожинѣ и потомъ опять удалялись. Наконецъ по правую сторону отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, вынеслась лиса и чуть было не попала прямо въ зѣвъ собакамъ, и сію-же минуту кинулась въ сторону; но не успѣла пробѣжать 30—40 саж., какъ собаки ея сняли.

— Взяли, батюшка, взяли! кричалъ Столыпинъ. — Каковы собачки-то!

— Очень хороши, Аѳанасій Алексѣевичъ.

— Вы говорили, что пару здѣсь видѣли? спросилъ онъ меня.

— Да, пару.

— Слѣдовательно, одна еще тамъ, замѣтилъ Столыпинъ—и мы снова начали томиться ожиданіемъ.

Черезъ нѣсколько времени и другую лису постигла та-же участь, какъ и первую; только эта вышла по лѣвую руку отъ насъ, изъ другой отрожины, и собаки такъ-же скоро и лихо справились съ нею, какъ и съ первой.

— Премного вамъ благодаренъ, батюшка, за доставленное мнѣ удовольствіе, заговорилъ Столыпинъ послѣ травли.

— Напротивъ, Аѳанасій Алексѣевичъ, позвольте мнѣ принести вамъ мою искреннюю благодарность за то высокое наслажденіе, которымъ я совершенно случайно воспользовался и чрезъ посредство котораго я имѣлъ возможность составить себѣ понятіе о псовой охотѣ. Не знаю, доведется-ли мнѣ еще когда-либо въ жизни видѣть и слышать что-нибудь подобное.

Старикъ протянулъ мнѣ руку.

Я началъ съ нимъ прощаться, и пожелалъ ему всего хорошаго, но по охотѣ—ни *пера*, ни *шерсти*.

— Нѣтъ, нѣтъ!... какъ можно?—Вы со мною позавтракаете, возразилъ Столыпинъ, — да и кто-же будетъ править моей лошадыю до стана? прибавилъ, засмѣявшись, старикъ.

Я не смѣлъ отказаться и мы поѣхали.

Завтракъ былъ прекрасный, которому мы и воздали надлежащую честь.

Мѣстность, гдѣ остановился станомъ охотничій обозъ, на большое пространство была засажена подсолнечниками, пенъки которыхъ оставались еще не выдернутыми *). Во время завтрака охотники ѣздили по полю и будили зайцевъ на хлопокъ. Одинъ охотникъ заулюлюкалъ и всѣ бросились травить. Мы сидѣли и завтракали. Вдругъ одинъ изъ охотниковъ, стоявшій около насъ, замѣтилъ, что зайцы уходятъ отъ собакъ и доложилъ объ этомъ Столыпину.

— Спусти Милку, командовалъ онъ.

Охотникъ бросился къ тарантасу и выпустилъ изъ него, лежавшую на сидѣннѣ, собаку, довольно рослую, съ черной лоснящейся псовиной, необыкновенно длиннымъ и узкимъ щипцомъ и прекрасными умными глазами.

Вотъ тутъ-то я и посмотрѣлъ, до чего собаки бываютъ рѣзвы.— Съ быстротою птицы понеслась она къ показанному ей наѣздникомъ зайцу, живо обскакала другихъ собакъ, dospѣла къ зайцу и могучимъ броскомъ срѣзала его, какъ пулей. Въ это время хозяинъ, слѣдившій за скачкою собакъ въ бинокль, помѣстившись на тарантасѣ, произнесъ, не обращаясь какъ-бы ни къ кому, но довольно громко, — „взяла!“

— Какова, батюшка, собачка-то? обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ. Удивленный, даже пораженный видѣннымъ, я не находилъ словъ, чтобы хвалить Милку,

Восхищенный Столыпинъ объяснилъ мнѣ, что эта собака горской породы, и что онъ не разстанется съ ней ни за какое благо въ мірѣ. Тутъ только я понялъ, какое могъ причинить горе, нечаянно убивъ или искалѣчивъ выстрѣломъ такую собаку. Тутъ только понялъ, какое я могъ совершить охотничье преступленіе. Пока запрягали лошадей и сосваривали собакъ для дальнѣйшаго слѣдованія, я подошелъ къ одному изъ охотниковъ и спросилъ, сколько стоитъ собака?

— Да, какъ вамъ сказать, сударь,— баринъ ее вымѣнилъ у генерала А.... ва, а промѣненное трудно перевести на деньги.

То было время крѣпостничества и я все понималъ изъ этого отвѣта.

При прощаньи, Афанасій Алексѣевичъ сказалъ:

— Ну, батюшка, благодарите судьбу, что вы такъ дешево отдѣлались. Пораньте, или еще хуже, убейте вы мою собаку, да

*) Ихъ осенью срѣзаютъ, или выдергиваютъ, жгутъ золу и продаютъ на поташные заводы.

еще Милку, такъ я и не знаю, что бы съ вами сдѣлали мои доѣзжачіе въ моемъ отсутствіи,—да они затравили-бы васъ собаками, какъ зайца. Напредки будьте осторожнѣе.

— Постараюсь воспользоваться вашимъ совѣтомъ и затѣмъ—счастливой дороги.

Итакъ, быть-бы несчастью, да счастье помогло.

В. Санарскій.